

РИХТЕР, КОТОРОГО ОТ НАС СКРЫВАЛИ

1999 май - 1999 - 17 апр. - 47.
В прошлую пятницу на ОРТ прошла мировая премьера сенсационного трехчасового документального фильма французского режиссера Бруно Монсенжона «Рихтер непокоренный».

В Европе он будет называться иначе — «Рихтер. Загадка». Слову «непокоренный» в европейских языках аналога не нашли. Ну а загадка — она и у нас загадка. Нина Львовна Дорлиак, жена Святослава Теофиловича, ревностно оберегала его от журналистов. Те обижались. Однако после фильма Монсенжона, который Юрий Башмет называет «атомным оружием», а его режиссера — «непомерно смелым человеком», прояснилось кое-что утешительное даже для самых обидчивых: в своих мнениях Рихтер, оказывается, всегда был абсолютно свободен от внешних обстоятельств, что опасно. Некоторые его высказывания в картине просто шокируют. Кто бы посмел назвать Шостаковича «совершенно ненормальным»? засвидетельствовать, что Нейгауз играл «фальшивые ноты, просто черт знает что»? а Юдина — все «шиворот-навыворот» и после ее концерта «болела голова»? что Прокофьев — «опасный, резкий, беспринципный, мог вас об стенку ...»?

Монсенжон составлял фильм с исключительным тщанием. Раскопал уникальные записи (чего стоит один только дуэт Рихтера с Бритеном, где они, каждый из-за своего рояля, весело поглядывают друг на друга). Подобрал хронику, «картинку» под рассказы Рихтера. Как человек совершенно нежлобский, включил и кадры домашней съемки: сбор друзей на вечеринку у Рихтеров лет сорок назад — на зависть авторам «Старой квартиры». Какие тут в прихожей шляпы и шляпки, боты и ботинки, сваленные в веселую кучу...

Об истории создания фильма Монсенжон на пресс-конференции рассказывал не меньше часа, причем на прекрасном русском языке:

— Все говорили мне, что снять фильм о Рихтере невозможно. И это действительно оказалось для меня настоящим приключением. Сначала на все мои предложения Рихтер отвечал отказом. Но однажды мне позвонили: «Мастро хочет, чтобы вы сделали его биографию». Видимо, он почувствовал приближение конца и хотел уточнить некоторые факты своей жизни (весьма невыразительно, противоречиво, а то и курьезно бытовавшие в нашей скудной о нем литературе. — Н. З.). Сначала мы записывали только звук. Он не хотел сниматься. А у него очень выразительное лицо. Да и некоторые эпизоды были словно придуманы для съемки. Например, он как-то пожаловался, что у него слишком большие пальцы, трудно «умещаются» в клавиши. И вдруг резко выбросил обе пятёрки вперед: «Ну, что это за пальцы?!» Но к этому времени мы еще не начали снимать...

Иногда за час я не мог выудить из него ни слова. А иногда многое было рассказано, но не снято. Однажды мы сидели в ресторане в Антибах, он был в ударе, что в последнее время бывало с ним редко. И вдруг он начал рассказывать мне историю, как в 1947 или 1948 году к нему пришел Шостакович, принес новую симфонию, и Рихтер стал играть ее. (Тут Монсенжон замялся:

видимо, в тот вечер оба музыканта, во всяком случае, Рихтер, изрядно выпили. — Н. З.) Около двенадцати ночи вернулась Нина Львовна... В общем, Рихтер оказался на улице, где пролежал до пяти утра. В пять пришел в себя, добрал до своего учителя Нейгауза, и жена Нейгауза ему еще добавила. После чего он три дня беспробудно спал. Чудесный эпизод! Мы договорились, что на следующий день Рихтер повторит этот рассказ перед камерой. Но на завтра он был уже совсем другой: «Я же вчера вам все уже рассказал...»

Напротив, невозможно было вставить готовый эпизод, где он резко отзывался о Кабалевском, отдавая, впрочем, дань его интеллекту. Но не из-за резкости суждения — а потому, что Рихтер убеждал меня: Кабалевский умер от СПИДа! Таким образом, он, вероятно, выражал свой гнев.

Накануне последнего отъезда Рихтера из Парижа в Москву, уже перед его смертью, я показал ему материал фильма. Рихтер смотрел его с такой живостью, с такой интенсивностью, что я испугался. Но в конце он сказал: «Это — я». Вот слова, которые поддерживали меня те полгода, что ушли на доработку фильма уже после его кончины.

Надо глубоко поклониться Госконцерту и его директору Владимиру Всеволодовичу Панченко — подлинному ценителю музыки и человеку не шкурного, но государственного мышления, — всем спонсорам мировой премьеры, представившей нам Артиста до сей поры совершенно таинственного. То немного комичного в мире рвачей (таким боялась выставить его на показ журналистам Нина Львовна), то по-детски непосредственного, то совершенно недостижимого в своей беспрецедентной внутренней свободе.

Кстати, Госконцерт имеет право еще раз показать «Рихтера непокоренного» по ТВ до 30 мая. А Бруно Монсенжон сообщил, что абсолютно все (нецензурированные) записи, не вошедшие в фильм, составили объемную книгу. И, конечно, нужно срочно издавать ее по-русски.

Наталья ЗИМЯНИНА